

ЮНУС ЭМРЕ

Перевод с турецкого и вступление С. ЛИПКИНА

Войти в людское сердце...

Прикосновение к стихам Юнуса Эмре открыло мне новый материк поэзии. Персоязычной литературой, проникнутой суфийским, пантеистическим восприятием мира, я занимаюсь давно. Юнус Эмре стал для меня притягательным не только потому, что он первый из известных мне поэтов-суфиев, слагавший стихи на турецком языке. Он, в сущности, аэд, народный сказитель. Давние строфические построения, заимствованные из персидской поэтики, Юнус Эмре наполнил гулом городских базаров, одухотворил просторечием ремесленников и крестьян. Читая людям свои стихи, он, по собственному признанию, обошел и Рум (Малую Азию), и Шам (Сирию), и «верхние страны» (Иран и Азербайджан). Отвергал внешнюю религиозную обрядность: «Я верой стал, неверьем стал, сомнением рода стал людского».

Юнус Эмре родился в 1250 году и умер в 1320 или в 1321 году. Малая Азия в эпоху правления династии Сельджукидов слепила своей пестротой. По этой земле прошли крестоносцы. Здесь жили греки и армяне. Здесь при дворе говорили и писали по-персидски. Воздух дышал Византией. Религии соседствовали. Было чему удивляться, и недаром Юнус Эмре признался, что его сердце насыщено «удивленьем беспрестанным»:

Миг — оно стремится в церковь и Евангелье читает,
Миг — оно в мечеть приходит, преклоняясь пред Кораном.

В городах расцветали ремесла. Ремесленники образovali особое религиозное братство «ахи»: это слово по-арабски означает «брат мой». В отличие от обычного для турка красного головного убора, у ахи на голове был белый колпак. Они спорили не только с муллами и кадиями (мусульманскими судьями), но и с последователями суфийского учения. Известный советский тюрколог профессор Вл. Гордлевский в своем труде «Государство Сельджукидов в Малой Азии» замечает: «В начале XIV века идеями ахи охвачены были и интеллигентские круги. В стихах поэта Юнуса Эмре проскальзывают указания на «футувет» (устав моральных истин.— С. Л.), он прямо обращается... к ахи».

Юнус Эмре распевал свои стихи вместе со слушателями. Как позднее в Индии Кабир, еще позднее — у нас в России Толстой, турецкий поэт, после долгих поисков бога, сказал: «Но местопребыванье бога лишь в человеке я нашел».

Стихи Юнуса Эмре были записаны после его смерти. Они стали турецкой классикой.

На праздновании столетия со дня рождения Садреддина Айни в Душанбе я познакомился с Азизом Несином. Узнав, что я перевожу стихи Юнуса Эмре, он искренне обрадовался. «Юнус Эмре,— сказал мне турецкий сатирик,— великий поэт. Мне больно, что мир его не знает или знает плохо. Мне приятно, что его узнает русский читатель. Юнус Эмре был современником Джалаледдина Руми. Но если Джалаледдин был поэтом для образованного общества, то Юнус Эмре был поэтом для простого народа».

Я сообщил Азизу Несину, что издательство «Художественная литература» выпускает сборник, в который войдут произведения пяти турецких поэтов-классиков, а среди них — произведения Юнуса Эмре. Сборник подготовила к печати тюрколог И. В. Баролина.

Юнус Эмре писал (слагал?) стихи так, чтобы его поняли все и, поняв, пошли за ним. Если каждое поэтическое произведение труднопереводимо, то особенно трудно начать новую жизнь на другом языке поэзии глубоко национальной. Я счастлив был повторить по-русски слова турецкого поэта:

Юнус воскликнул: «О паломник, зачем сто раз ходил ты в Мекку?
Войти в одно людское сердце — не в этом ли твое призванье?»

Поэзия Юнуса Эмре, отдаленная от нас семью веками, обладает силой жизни, потому что, как всякая истинная поэзия, занята поиском связи между жизнью и правдой.

■ ■ ■

Если ты вопрошаешь меня, о мой бог,
То хочу, чтоб тебе и ответить я мог.

Я тебя притеснял ли? Пускай я греховен,
Но, господь, пред тобою-то в чем я виновен?

Я еще не родился — меня ты к рабам
Сопричислил, сказал: «Вот мятежник Адам».

Я еще не пришел, но и горы, и доли
Услыхали твой глас: «Он исполнен крамолы!»

Я ли создал тебя? Ты меня сотворил,
Так зачем для упреков уста отворил?

Я, в темнице родившись, воскликнул: «Несчастье!
В сатанинском я чреве, где плотские страсти!»

Чтоб в тюрьме не погибнуть, я крикнул: «Открой!»
Раз иль два я испробовал пища дурной.

Потерял ты богатства хоть малую долю?
Иль утратили мы — я и ты — нашу волю?

Иль тебя, насыщаясь, на голод обрек?
Иль, поев, у тебя отобрал я кусок?

Тонкий мост-волосок¹ ты воздвиг: «Из капкана
Моего ты теперь выходи невозбранно».

Но пригоден ли нам тонкий волос как мост?
Упадем, устоим иль взметнемся до звезд?

Строят мост ради пользы своей слуги бога —
Польза в том, чтоб открылась пред ними дорога,

Чтоб с моста-волоска никогда не свернуть,
Чтоб идущий сказал: «Это правильный путь».

На весах ты мои хочешь взвесить пороки —
Да низринусь в огонь преисподней жестокий.

¹ Согласно мусульманским представлениям, в Судный день воскресшие из мертвых, после того как будут взвешены их грехи, должны пройти по проложенному над адом мосту Сирату, который тоньше волоска, острее меча: грешники свалятся в ад, а праведники пройдут по мосту в рай. (Здесь и далее — прим. И. Баролиной.)

Но кому надлежит доверяться весам?
Бакалейщикам, мелким торговцам, купцам!

Тот, кто грешен, тот грязью нечистого грязен,
Самый грех при твоём бытии безобразен.

Прикрываешь ты грех, добротой светясь,
Для чего ж обнажать да и взвешивать грязь?

Я страдаю, а ты — соглядатай страданий.
Разве это разумно, о бог всех созданий?

Ты всеведущ, постиг мои дни и часы,
Так зачем же кладешь мою жизнь на весы?

Разве мало, что ты меня сделал золою,
И сгноил, и глаза мне засыпал землею?

От Юнуса вовек ты не ведал вреда.
То, что явно и тайно, ты знаешь всегда.

Для чего же твой гнев, о творец, для чего же?
Из-за горстки земли столько шума, о боже!

Колесо

— Колесо¹, зачем ты плачешь много?

— Я страдаю, потому и плачу.

Своего я возлюбил бога,
Я страдаю, потому и плачу.

Знаешь, кто я? Колесо печали.
Волны подо мною зазвучали,
Ибо так велел господь вначале,
Я страдаю, потому и плачу.

Древом я в горах росло когда-то,
Сладким или горьким не богато,
Господу всегда служило свято,
Я страдаю, потому и плачу.

Но в горах слышнее стали стуки,
Отрубил топор мне ветви-руки,
Обрекли, согнув меня, на муки,
Я страдаю, потому и плачу.

Наземь ствол упал, под корень срублен.
Весь порядок жизни был загублен.
Я — певец, чей сказ людьми излюблен,
Я страдаю, потому и плачу.

Плотника тесло меня тесало,
Колесом вертящимся я стало,
Приказал господь, чтоб я страдало, —
Я страдаю, потому и плачу.

¹ Имеется в виду водоподъемное колесо для орошения земли.

Снизу вверх я поднимаю воду,
Я кружусь хозяину в угоду.
Посмотри же на мою невзгоду,
Я страдаю, потому и плачу.

О, не смейся, ибо станешь тленом,
О, Юнус, кто в этом мире бренном
Обладает счастьем совершенным?
Я страдаю, потому и плачу.

■ ■ ■

Меня дервишем называете, но я ль дервишем назовусь?
На летнем пастбище дервишества я зимней стужей становлюсь.

В наряд дервиша облачился я, но, взглядом свой окинув путь,
Своих ошибок устыдился я, да и поныне их стыжусь.

Никто не знает, что погрязнул я во сквернах — в тысяче одной,
Грех совершаю, но при этом я и тачем, и хиркой горжусь¹.

В пути встречаю вопрошающих, я их учу, и верят мне,
Что сердце напоил сердечностью: им праведником я кажусь.

Я загляну в себя, но ценного я не увижу ничего,
Вокруг меня миры враждебные, я трепещу, я их боюсь!

Сказал Юнус друзьям: «Познавшие всю истинную суть мою,
От вас не жду я оправдания и в руки бога предаюсь».

■ ■ ■

Сей мир огромный предо мною как шумный город предстает,
А наша жизнь — базар, где всякий торгуется и продает.

Тот, кто вступил однажды в город, в нем задержался лишь на миг,
Он — путешественник, который ушел и больше не придет.

Жизнь в этом городе вначале вкусней и слаще всех сластей,
В конце почувствуешь: вкушал ты змеиный яд из года в год.

Та жизнь, красавице подобно, вначале обольщает нас,
В конце увидишь: пред тобою старуха лживая, урод.

О, в этом городе так много различных обликов, личин —
Доверчивого обмишурит их воровской круговорот.

Познал свое предназначенье лишь тот, кто суть свою постиг:
Всем сердцем возлюбивший бога, он как весенний день цветет.

Взгляни на бедного Юнуса, он удивлен, он потрясен,
А каждый стих его духовный — как сахар и сладчайший мед.

¹ Тач и хирка — дервишский головной убор и плащ.

■ ■ ■

Не так я жил, как мне мечталось, о жизнь, что делать мне с тобой?
Мне и богатства не досталось, о жизнь, что делать мне с тобой?

Как я пришел и как прошел я? Страдал, а все ж не говорю,
Чтобы со мною ты рассталась,— о жизнь, что делать мне с тобой?

И добрые дела, и злые припишут мне, и я умру,—
А где мой облик? Все распалось, о жизнь, что делать мне с тобой?

Уйдешь — назад не возвратишься, придя — меня ты не найдешь,
Да ты найти и не пыталась, о жизнь, что делать мне с тобой?

Где то, что я тебе доверил, доверив, ласку находил?
Что приобрел я, то осталось — о жизнь, что делать мне с тобой?

Юнус несчастный, ты, наверно, свой путь свершив, покинешь нас,
Но боль пребудет и усталость — о жизнь, что делать мне с тобой?

■ ■ ■

Наука — это узнаванье, наука есть самопознанье,
Себя не знаешь ты — к чему же твое усердье и старанье?

В чем смысл учения? В глубоком познание человека-бога,
А ты, учась, не научился, напрасным было прилежанье.

Не говори, что ты учился, что ты познал, что ты молился,
О, если ты не знаешь бога, то все, что знаешь ты,— незнанье!

В одном элифе смысл находим книг четырех¹, вовек священных.
Учась, искал, но что нашел ты? Чем кончилось твое исканье?

Ты изучаешь двадцать восемь слогов, прочел — и вновь читаешь,
Но разве одного элифа тебе открылось пониманье?

Юнус воскликнул: «О паломник, зачем сто раз входил ты в Мекку?
Войти в одно людское сердце — не в этом ли твое призванье?»

■ ■ ■

Бог мое насытил сердце удивленьем беспрестанным,
Миг — оно полно печалью, миг — веселием нежданым.

Миг — оно морозом дышит, стужей зимнею лютует,
Миг — сверкает вертоградом, цветником благоуханным.

Миг — не вымолвит ни слова, ничего не растолкует,
Миг — слова его как жемчуг, как лекарство тяжким ранам.

¹ Элиф — первая буква арабского алфавита. Поэт хочет сказать, что одна буква — ключ к пониманию четырех книг, которые почитаются мусульманами как священные: Пятикнижью, Псалтыря, Евангелия и Корана.

Миг — вздымается над раем, миг — спускается в геенну,
Миг — подобно малой капле, миг — простерлось океаном.

Миг — в невежестве скудеет, ничего оно не знает,
Миг — становится премудрым Джалинусом и Локманом¹.

Миг — оно как дэв и пери и в развалинах томится,
Миг — предстанет Сулейманом, джиннов и людей султаном².

Миг — оно стремится в церковь и Евангелье читает,
Миг — оно в мечеть приходит, преклоняясь пред Кораном.

Миг — становится Исою³, к жизни возвращает мертвых,
Миг — вступает в град гордыни то Фиравном, то Хаманом⁴.

Миг — архангелом нисходит, людям возвещая радость,
Миг — Юнуса изумляя — отравляется обманом.

■ ■ ■

Кто говорит, что он — дервиш, тот мучиться стыдом не должен.
Он должен сердцем быть широк, а жить как скопидом не должен.

Дервиш смиренным должен быть, не поднимать на бьющих руку,
Молчать, когда его бранят, — идти дурным путем не должен.

О, если ты дервиш — весь мир тебе пребудет добрым другом,
Дурное замени благим, владеть чужим добром не должен.

Лишь нищета — богатство тех, кто объявил себя дервишем,
Помимо нищеты, дервиш и думать ни о чем не должен!

О, если душу ты вручил святому, кто постигнул бога,
О ученик, ты предавать учителя потом не должен!

Юнус, ты тоже лицезрел святого мужа, но не хвастай:
Дервиш, ты всюду вздор молоть о том и о другом не должен!

■ ■ ■

Мельницу напоминает этот бренный мир страстей,
Жернова ее — беспечность, мелет мельница людей.

Мельница — юдоль земная — господу подчинена,
Азраил⁵ муку уносит — целые мешки смертей.

¹ Джалинус — знаменитый врач и естествоиспытатель Галлен (ок. 130—200); Локман — легендарный арабский врач и мудрец.

² В Библии и в Коране царь Сулейман (Соломон) считается повелителем всех духов — джиннов.

³ Иса — Иисус. В Коране считается воскресителем мертвых.

⁴ Фиравн (Фира) — легендарный властитель Египта; Хаман — его везир.

⁵ Азраил — ангел смерти.

Желоб — этот мир, а божье бытие — рука судьбы.
Кто заметил те подобья, стал спокойней и мудрей.

Мельница подвластна богу. Что по желобу течет?
Ты обеспокоен этой смесью вод, забот, скорбей.

Различай, где мощь, где слабость, осторожен будь, Юнус,
Сколько сильных мы ни видим — длань одна другой сильней.

■ ■ ■

Искал я в этом мире бога, я долго в край из края брел,
Я землю обыскал и небо, но там я бога не обрел.

Вникал я в книгу доказательств, изображенья осмотрел,
И надписи, и свитки знаний, и вседержителя престол,

Я много приложил усилий, обследовал я все места,
Но местопребыванье бога лишь в человеке я нашел.

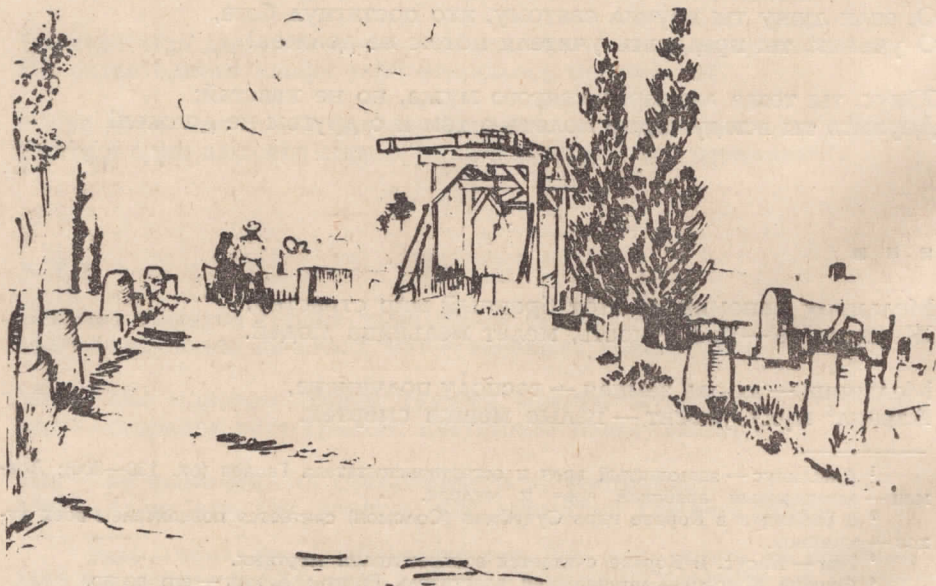
Я вдруг лицо его увидел, но я ни слова не сказал:
Его сияющую тайну не в силах выразить глагол.

Ему, когда его увидел, я отдал самого себя,
И он забрал меня и властно от самого себя увел.

Оглядывался я с восторгом, воспрянула моя душа,
Как только понял, изумленный, что в город сердца я вошел.

Юнус исчез, и стало богом отныне существо его,
Все прочее — не существует, я все сомненья поборол!

■

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ. Мост около Арля.
Рисунок